

ТАЛАНТ И ТОЛЬКО ТАЛАНТ

Беседа с народным артистом СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий,
Михаилом Александровичем УЛЬЯНОВЫМ

— Михаил Александрович, все мы знаем, что вашим учителем был Рубен Николаевич Симонов, что вы всегда придерживались его школы, завещанной великим Вахтанговым. Поэтому разрешите начать именно с Рубена Симонова и с ваших слов памяти о нем.

— О, Рубену Николаевичу Симонову принадлежит огромная роль во всей истории театра имени Вахтангова. Он был одним из самых выдающихся учеников Евгения Багратионовича Вахтангова. Рубен Николаевич любил театр ревностно, страстно, до самозабвения, жил ради театра, для театра, одним только театром. Лишь теперь, с годами, осознаешь, какую роль сыграл он в деле упрочения и продолжения вдохновенных вахтанговских идей, каким мудрым и проницательным руководителем театра он был. На его глазах — он это понимал — уходило со сцены и из жизни поколение непосредственных учеников Вахтангова. Он и сам принадлежал к их числу. Опыт великого учителя не должен был быть потерян, его следовало передать следующему поколению. Рубен Николаевич осуществил эту преемственность, эту передачу бессмертных заветов. И как осуществил! Тактично, тонко, ненавязчиво, очень артистично и легко. Он претворил в жизнь свою мудрую мысль об этой насущной передаче. Из рук Мансуровой, Алексеевой, Астагова он передал эстафету в руки Борисовой, Яковлева, Грищенко и многих, многих других.

Увы! Если сейчас нам не удастся сделать того же, что сделал Рубен Николаевич, то театр имени Вахтангова окажется в сложном положении.

Да, Рубен Николаевич — это романтика театра, праздничность, яркость, приподнятость, но без котурни, эмоциональности, но без сентиментальности. Никогда он не переходил этой опасной грани, всегда был в высшей степени точен. Это была настоящая и большая школа, прекрасная школа вкуса, мастерства и меры.

Говорят, учитель жив в своих учениках. Рубен Симонов, Захава, Мансурова, Астангов были нашими учителями. Мы обязаны и призваны сохранить верность их тонкому вкусу, чувству меры, высокому профессионализму.

— Художник, воспитай ученика? Продолжи себя, позаботься о своем деле, но не в последнюю минуту ухода со сцены? Сколь многие театры стоят сегодня перед такой дилеммой...

— Знаете, смена поколений в искусстве всегда болезненна. Человеку свойственно долго не замечать своего уходящего возраста. Но, как сказано, «старится все на свете: люди, идеи, планеты...» И ничто так не ценно, как умение вовремя заметить и осуществить этот переход, спокойно продолжая трудиться на сцене, но уже в окружении новой смены. Вот почему поступок Рубена Николаевича иначе как подвигом не назовешь.

— Но есть в сегодняшнем театре, на мой взгляд, и еще одна тревожная нота: заметно усилившаяся кое-где тенденция к усредненности, к заниженности мерок. Все чаще тоскуешь по страсти, темпераменту, таланту. Согласитесь, какая же карта неба обходится без звезд первой величины?

— Это то, о чем я не устаю говорить в последнее время. Талант, талант и только талант. Иначе я не мыслю себе подмошников. Кого приходите вы смотреть и слушать вечерами в затененный зал? Человека больших и глубоких чувств, говорящего прекрасный текст пьесы. С чем же я выйду на авансцену, если сама моя натура не сможет убедить зрителя? Вот, скажем, Шекспир. Странно даже подумать, каких глубин от актера он требует. Ведь Шекспир — это не только произнесение великих мыслей, но всегда и потрясение чувств. И какое потрясение! Кто же будет потрясать? Анемичный, внутренне холодный человек? Да никог-

да. И пусть мне не говорят, что сегодня нужда в таланте не такая острая, как в прежние времена, когда искусство еще не было таким массовым. Всякая стандартизация, всякая количественность убивает индивидуальность. Сегодня часто такая подмена: не произведения искусства, а уже поток продукции, который убивает исключительное, редкое. И сегодня есть великое, большое и прекрасное. Но его голос в этом потоке труднее расслышать. К нему уже надо пробиваться, а это в век массовости дело не простое.

Недавно мне довелось услышать: «Нам не надо звезд, нам нужен крепкий средний урвень». И говорил это актер на одном из наших собраний. Признаться я содрогнулся. Ведь это смерть для театра. Театр всегда существовал только на ярких, индивидуальных дарованиях, на особом, выделенном, неповторимом. Театр жив вершинами, называйте это звездами или как хотите иначе. Театр строится как пирамида, а не как плоскость.

— Итак, талант, талант и только талант?

— Несомненно. И как можно меньше усредненности. Недавно мне один студент задал вопрос: почему такое согласие с серостью, почему не слишком энергично борются с этим? Думаю, он прав. Нельзя мириться с девальвацией ценности художника. Разве редки случаи, когда произведение искусства и подделка подчас ценятся одинаково? Это разрывающее действует на некоторых молодых. Особенно на тех, кому не хочется трудиться в поте лица. Зачем, рассуждают они, труд, старание, борения, муки творчества и опыта, если можно добиться всего и более легкими и удобными путями? Зачем тратить годы на мастерство, которого трудно достичь? Зачем отдавать корпенно лучшее время жизни, когда шуметь собою выгоднее, чем дело делать?

Нерадивые раскусили это очень хорошо. К счастью, талант надежно защищен горячей заинтересованностью в нем.

— Талант защищен и театр пребудет вовеки? И счастлив художник, который, по словам Шекспира, «привидит сев времен», ибо время спокойно и справедливо отмечает все преходящее и тленное?

— Да, и тысячу раз да. И пусть претрется мне та горячность, с какой я ратую за талант в искусстве. Но сам талант горяч. Тем более — борьба за него. Искусства вне взволнованности, страстности и пронзительной вдохновенности я не представляю.

Беседу вела Н. СААКЯН.

24 ИЮН 1979

А. М. У. И. Л. О. В. Е. В. А. Н. О. В. И. М. А. С. А. Л. Е. X. А. Н. Д. Р. О. В. И. Ч. У. Л. Я. Н. О. В. И. М.

9